

В «Речах Высокого» жизнь расценивалась как бесспорное благо:

Лучше живым быть,
Нежели мертвым...
Ездить может хромой,
Безрукий — пасти,
Сражаться — глухой;
даже слепец
до сожженья полезен —
Что толку от трупа!¹

Вместе с тем признание ценности жизни не означало оправдания трусливого цепляния за жизнь. Напротив, спокойное убеждение в том, что все люди смертны, рождало презрение к смерти и уважение к тому, кто без страха и сожаления встречал смерть. Выше жизни — посмертная память и слава в подвигах.

Счастье многообразно и надо уметь видеть лучшие стороны жизни. Продолжение рода, связь с родом необходимы для счастья. Уязвленная родовая честь, непочтительное высказывание о женщинах, просто острое слово воспринимались болезненно. Оскорбительный намек, «поносный стих» («нид») могли, по мнению людей раннего (да и позднего) средневековья, вызвать беду.

Своеобразие соединения принятого христианства с требованиями родо-племенной морали наиболее ярко проявлялось в отношении к закону родовой мести. Так, в «Саге о названных братьях» пятнадцатилетний Торгейр отомстил за убийство отца: «Всем, кто слышал эту новость, казалось удивительным, что юнец убил такого воинственного хёвдинга и такого доблестного воина, как Ёдур. Однако это не было удивительным, ибо творец мира создал и вложил в грудь Торгейра такое бесстрашное и твердое сердце, что он ничего не боялся и был так же бесстрашен во всех испытаниях, как лев, И поскольку все хорошее создано богом, то и бесстрашие создано им и вложено в грудь храбрецам вместе со свободой делать, что они хотят, добро или зло. Ибо Христос сделал христиан своими сыновьями, а не своими рабами, и он награждает всех по заслугам»². В подобной интерпретации могу-

¹ Старшая Эдда. М.; Л.; 1963. С. 21.

² *Стеблин-Каменский М. И. Мир саги.* Л., 1971. С. 91-92.